

Сиверцев Евгений Юрьевич

ПЕРВАЯ ФРАЗА ТЕКСТА. ЕЁ РОЛЬ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Статья является попыткой философского анализа феномена, неизбежно присутствующего в любом тексте, - первой фразы текста. Первая фраза определяет тематику текста, жанр повествования, формирует семиотическое пространство следующего за ней повествования, задаёт контекст, в котором будут раскрываться отстаиваемые автором идеи. Однако сама первая фраза не может рассматриваться ни как переработка эмпирической информации, ни как логическое продолжение ранее сказанного. В статье обсуждается проблема происхождения первой фразы текста, рассматриваются факторы, обуславливающие её появление и формирование.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-4/39.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 4. С. 158-162. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 130.11

Философские науки

Статья является попыткой философского анализа феномена, неизбежно присутствующего в любом тексте, – первой фразы текста. Первая фраза определяет тематику текста, жанр повествования, формирует семиотическое пространство следующего за ней повествования, задаёт контекст, в котором будут раскрываться отстаиваемые автором идеи. Однако сама первая фраза не может рассматриваться ни как переработка эмпирической информации, ни как логическое продолжение ранее сказанного. В статье обсуждается проблема происхождения первой фразы текста, рассматриваются факторы, обуславливающие её появление и формирование.

Ключевые слова и фразы: текст; первая фраза текста; язык; означаемое; означающее; реальное; воображаемое; символическое; хора; гено-текст; фено-текст.

Сиверцев Евгений Юрьевич, к. филос. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
Emden1914@mail.ru

ПЕРВАЯ ФРАЗА ТЕКСТА. ЕЁ РОЛЬ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Под *текстом* будем понимать логически и синтаксически связанное высказывание. Оно может быть одним предложением (суждением) [1, с. 324], умозаключением [Там же, с. 344], полисиллогизмом [3, с. 391].

Если текст понимать именно так, то большинство повествований (от студенческого эссе до романа «Токугава Иэясу» Сохачи Ямаока (общий объём 40 томов)) являются *последовательностями текстов*, причём каждый текст имеет свои рамки.

Любой текст начинается с первой фразы (в *последовательности текстов* первых фраз много). Именно первая фраза позиционирует текст в языковом и общекультурном пространстве. Также первая фраза задаёт структуру повествования, закладывает смыслы, организует предлагаемые автором идеи, даёт направление аргументации.

Первая фраза текста – феномен загадочный. Загадок как минимум две. Что является причиной возникновения именно *данной* первой фразы именно в *данное время* и именно в *данном тексте*? Что является фактором, формирующим *смысл* первой фразы?

Возможны следующие варианты ответа. Например: первая фраза описывает факт и сопровождается чувством истинности описания («в этой комнате три окна», «все нормальные люди имеют два уха»). Или: первая фраза – аксиома («В евклидовом пространстве параллельные линии не пересекаются»). Но эти два варианта встречаются крайне редко – и главным образом в учебниках. Чаще всего первая фраза – не факт, не аксиома, а некое утверждение, обладающее двумя свойствами. Первое: это утверждение *не несомненно*. Второе: причина появления этого утверждения именно в данное время и в данной точке повествовательного пространства совсем не очевидна (скрывается не только от читателя, но порой даже и от автора): «Умные люди всегда скромны»; «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему».

Специальное философское исследование первой фразы текста мы вряд ли найдём. Однако контекст некоторых философских учений позволяет сделать определённые предположения.

Например, для Платона первая фраза – это наверняка про-исхождение через человеческую душу истинного имени вещи, вызванное не всегда контролируемым человеком изменением внешних обстоятельств. Если говорить о схоластике и теологии, то можно вспомнить проблему свободы воли и предопределения. Первая фраза здесь – либо то, что в уста человека вкладывает Бог, либо то, что происходит из действия спонтанной воли (какой вариант конкретно – зависит от философско-теологической позиции). У Канта первая фраза идёт из непроницаемой для рационального анализа свободы воли, но организуется априорными формами чувственности и рассудка. У Гегеля первой фразы вообще нет. Вернее, есть, но одна: «Ничто». А дальше следует неподвластное воле логическое развитие категорий.

Гегелем заканчивается классический этап европейской философской традиции.

На идеях авторов, работавших и работающих в постгегелевские времена, остановимся подробнее: они активно занимаются проблемой формирования текста, причём имплицитные основы текста не пытаются подчинить требованиям разума (как у Гегеля) или вовсе вывести из сферы рефлексии (как у Канта). Особенно важным (в контексте нашего исследования) является то обстоятельство, что они обращаются «к дологическим, допонятийным, допредикативным – вообще к дорефлексивным формам и компонентам» [8, с. 58].

Начнём с Фридриха Ницше.

В «Рождении трагедии из духа музыки» Ницше размышляет об «апполоническом» и «дионисийском» началах. ««Дионисийское» начало – это тот чудовищный ужас, который охватывает человека, когда он внезапно усомнится в формах познания явлений... Если к этому ужасу прибавить блаженный восторг, поднимающийся из недр человека и даже природы, когда наступает такое же нарушение *principii individuationis*, то это даст нам понятие о сущности дионисийского начала, более всего, пожалуй, нам доступного по аналогии опьянения» [9, с. 8]. Таким образом, первая фраза какого-либо текста рождается и формируется совершенно независимо от индивидуальной воли человека, а также независимо от его разума. «Произрастает» она из некоей непрозрачной активности, коренящейся и в человеке, и в природе. Причём граница человеческого и природного в данном случае довольно условна.

Очевидно, нельзя обойтись без упоминания З. Фрейда. Разумеется, производит первую фразу и «форматирует» её «Оно» или «бессознательное». То, в чём «преобладает стремление к удовлетворению инстинктивных потребностей... Оно функционирует по произвольно выбранной программе получения наибольшего удовольствия. В нем нет никаких... моральных установок. В Оно все подчинено принципу удовольствия, когда экономический или количественный момент, связанный с необходимостью разрядки энергии, играет важную и решающую роль» [6, с. 66]. Заметим: в содержательном плане текст Фрейдом не исследуется. Текст – лишь инструмент передачи информации, получив которую, психоаналитик может делать те или иные выводы о состоянии пациента.

Дальнейший анализ проблемы первой фразы текста, не отражающей внешнюю реальность и не являющейся логическим следованием, мы можем найти у французского философа и психиатра Жака Лакана.

Для развития мыслей о роли бессознательного в порождении и оформлении текста (импульс к такому поиску дали идеи Фрейда) Лакан применяет то, чего Фрейд, скорее всего, внимательно не изучал – структурную лингвистику и практику литературного авангарда.

У основателя структурной лингвистики – Фердинанда де Соссюра – Лакан заимствует две идеи. Первая касается разделения означающего и означаемого. «Мы предлагаем сохранить слово *знак* для обозначения целого и заменить термины *понятие* и *акустический образ* соответственно терминами *означающее* и *означающее*» [12, с. 70]. Причём связь, «соединяющая означающее с означаемым, произвольна... эту же мысль мы можем выразить проще: *языковой знак произволен*» [Там же].

Вторая идея касается соотношения мысли и слова («звука»). Как первое, так и второе, по мнению де Соссюра, представляют собой нерасчленённую хаотичную массу. Но эта нерасчленённость и хаотичность свойственны каждой из двух названных сущностей лишь до тех пор, пока они отделены друг от друга. Их соединение (происходящее в живом употреблении слова и мысли – говорящем языке) порождает структурированность. Мысль «по необходимости уточняется, расчлняясь на части» [Там же, с. 112], слово обретает своё синтаксически обоснованное место среди других слов. «Языковая значимость в том, чтобы служить посредствующим звеном между мыслью и звуком, и притом таким образом, что их объединение неизбежно приводит к обоюдному разграничению единиц» [Там же]. Обратим внимание на следующее. То, что мысль формирует слово, – совсем не ново. Но обратное влияние – влияние слова (в его чисто знаковом бытии) на мысль – ранее не только серьёзно не исследовалось, да, пожалуй, и не упоминалось (разве что в теории стихосложения: «...[рифма] производит иногда нечаянные, разительные мысли, которые автору не могли даже представиться при расположении его сочинения» [10, с. 24]).

Литературный авангард (М. Пруст, Дж. Джойс, Ф. Кафка и др.) – течение, бравирующее своим разрывом с многовековой литературной традицией. Отрицается необходимость помещения действия в какую-либо точно описываемую среду (да и сама среда порой отрицается). Также не обязательно раскрытие характера персонажа через его действия и осмысленные слова, адресованные другим людям. Приветствуются временные и пространственные переплетения. Доминирующим становится описание непрерывного течения мыслей, переживаний, эмоций – одним словом, всего того, что получило наименование «поток сознания».

Переосмысление фрейдизма, структурализма, авангарда приводит Лакана на позиции, довольно близкие к герменевтике. Однако понимается она в психоаналитической парадигме. Язык – это не только и не столько инструмент передачи информации, полностью контролируемый интеллектом. Язык – ещё и средство *формирования* информации, средство организации её источника, а также – побудительный мотив её «публикации» (устной и письменной).

Лакан – в отличие от Фрейда – полагает, что чистое бессознательное – категория довольно расплывчатая. Во всяком случае, о бессознательном как таковом мы ничего знать не можем. Можем лишь знать, что в психике есть нечто, способное к структурированию. А инструментом структурирования является то единственное, что доступно рациональному анализу – язык.

Развивая и обосновывая данную мысль, Лакан переосмысливает фрейдовскую триаду «Оно – Я – Сверх-Я». Он вводит свою триаду: «Реальное – Воображаемое – Символическое».

«Реальное» – «неизгладимо и невозможно» – это хаос, который даже наименованию недоступен (невольная аналогия с «Единым» Плотина). Если о нём что-то и можно сказать – так это то, что оно речь «Другого». «Другой» – вечно ускользающий объект желания (потому и назвать нельзя – только начнёшь называть – а оно уже ускользнуло). Этот вечно ускользающий объект Лакан обозначает термином «объект А» («А» – первая буква французского слова «*autre*» («другой»)). «Человеческое желание есть желание Другого» [7, с. 116]. Т.е. у Фрейда «Оно» – некая темнота, в которой буйствуют желания. У Лакана «Реальное» – неугасимое, постоянно завершающееся, но никогда не достигающее своей цели стремление.

«Символическое» – то, что противостоит «реальному». «Идет ли речь о реальных симптомах, оплошностях или чем-то другом, что вписывается в то, с чем мы в анализе сталкиваемся на каждом шагу, и что является, как показал Фрейд, его подлинной сутью, в любом случае мы имеем дело с символами, причем с символами, организованными в язык и функционирующими, следовательно, благодаря артикуляции означающего и означаемого – артикуляции, составляющей саму суть языка» [5, с. 26]. «Символическое» с необходимостью объективно. Более того – оно материально. Его материя – «означающее». Обратим внимание на очень важный момент: у Лакана (в отличие от традиционной лингвистики) означающее *главствует* над означаемым. Т.е. означающее в значительной степени конституирует смыслы и референты. Иными словами, «символическое» – это структурирующая сила, господствующая и над «реальным» и над «воображаемым».

«Воображаемое» можно охарактеризовать как индивидуально представленное символическое, или некий конечный фрагмент пространства, где идёт противостояние «реального» и «символического».

Проведённый анализ с неизбежностью приводит к переосмыслению роли и функций языка. Язык – это не инструмент. Язык – это результат. Но результат, структурирующий свою причину. Соответственно, используемый («говорящий») язык – доминирует над тем, о чём его используют.

Если идеи Лакана применить к анализу первой фразы текста, то можно сказать следующее. Первая фраза текста рождается из взаимодействия нескольких самоактивирующихся хаотичностей. Главные из них три. Это прежде всего хаотичность внутреннего порыва, затем – хаотичность звука (письма) и, наконец, хаотичность мысли.

Сразу бросается в глаза некоторая избыточность хаоса. Хаотичности, взаимодействуя, могут препятствовать любой упорядоченности, в том числе – логической упорядоченности текста. Т.е. весь текст начинает строиться только из первых фраз, никак между собою не связанных. И в этом случае текст утрачивает свою повествовательную способность. Способность нести полезную информацию нужного объёма тоже утрачивается.

Расстаться с концептом хаотичности не представляется возможным – в этом случае исчезнет внутренняя энергия, порыв, порождающий разнообразие, порождающий новизну, в том числе – первую фразу текста. Значит, хаотичность должна быть уравновешена некоей космичностью.

Для поиска методологии такого уравновешивания можно обратиться к работам Юлии Кристевой.

Хаотичность воплощается в некоем существе, получившем название «хора». Само понятие «*χώρα*» вводит Платон в «Тимее». Пишет он следующее: «Всегда воспринимаемая все, она никогда и никоим образом не усваивает никакой формы, которая была бы подобна формам входящих в нее вещей. Природа эта по сути своей такова, что принимает любые оттиски, находясь в движении и меняя формы под действием того, что в нее входит, и потому кажется, будто она в разное время бывает разной... Обозначив его как незримый, бесформенный (*ἄσχορος*) и всеприемлющий вид (*εἶδος*), чрезвычайно странным путем участвующий в мыслимом и до крайности неуловимый, мы не очень ошибемся» [11, с. 453-454].

Хора – это нечто *третье*, существующее *наряду* с бытием и возникновением, а также *опосредующее* эйдос и вещь. «Между идей – *эйдосом* – и копией помещается некий третий тип, посредующий интеллигибельное и чувственно данное. Этот третий “вид” – *хора*. *Хора* – это именно то место, в котором происходит переход от умозрительного к материальному, где идея отпечатывается в материи, это место, позволяющее осуществиться материализации идеи» [13, с. 40]. Одна из целей, ради которой Платон вводит *хору* в свою онтологию, – связывание неподвижного истинного бытия (мира идей) с подвижным миром вещей. *Хора* вечно и неизменно пребывает в состоянии пульсации, она энергийна. Но пульсационность и энергийность в принципе не могут быть чем-то застывшим. Поэтому *хора* порождает нечто вечное и изменяемое одновременно – *время*. «Главная форма перехода и разделенности, которым способствует *хора*, это возникновение времени» [Там же, с. 44].

Кристевская *хора* – это тоже опосредование. Но опосредование, осуществляющееся на ином этапе. Если у Платона *хора* опосредует эйдос и вещь, то у Кристевой *хора* опосредует образ вещи («значение») и слово, этот образ выражающее. Но – и в этом ещё одно отличие – образ также является её производением. Образу вещи вещь не нужна. Образ – а лучше сказать образы – не результат отражения вещи, а результат дифференциации гомогенной *хоры*. Причём и образы, и результат, и дифференциация, и гомогенность сосуществуют. Это сосуществование порождает длящееся изменение – время.

Для нашего исследования принципиальную важность имеет субстанциональность *хоры*. «Специфической особенностью Кристевой было то, что она придала “хоре” подчёркнуто семиотический характер» [2, с. 130]. *Хора* – не предметность, не явление и не духовное (в традиционном смысле этого слова) образование. *Хора* имеет семиотическую природу: «...эта означающая диспозиция... ни знак, ни означаемый объект и, потому, ни операционное сознание трансцендентального эго. Мы назовем эту диспозицию семиотической, имея в виду, в соответствии с этимологией греческого *символ* (*σημεῖον*), отличительный знак, след, индекс, предваряющий знак, доказательство, выгравированный знак, отпечаток – короче говоря, определенность, допускающую нечеткую и недетерминированную артикуляцию, поскольку она еще не относится (для маленьких детей) или больше уже не относится (в психотическом дискурсе) к означаемому объекту для тетиического сознания» [4, с. 262]. Субстанция *хоры* – не материя, даже не мысль, субстанция *хоры* – совокупность *означающих*. «Означающее» понимается в том смысле, который придал этому термину Ф. де Соссюр – образ вещи, имеющийся в мысли. Если означающие присутствуют без означаемых, это значит, что они взаимодействуют, и это взаимодействие (в пределах *хоры*) всегда незавершённо, соответственно, всегда является импульсом, стремлением за свои пределы. Данный процесс взаимоизменения Кристева называет «означиванием».

Посмотрим на отношение процесса «означивания» и психики. Едва ли можно говорить, что «означивание» вообще не нуждается в психическом – где бы тогда этот процесс осуществлялся? Но и считать «означивание» подчинённым психике тоже не приходится. Значит, нужно предположить, что «означивание» – постоянная активность, пульсирование психического. Это пульсирование, эту активность нельзя считать сознанием – сознание до определённой степени словесно, его слова кем-то неизбежно *воспринимаемы* и *понимаемы*. Означающие, пребывающие в *хоре*, никем не воспринимаются, а сам процесс означивания – как уже было показано – не имеет никакого внешнего ему упорядочивания.

Можно сделать парадоксальное предположение: *хора*, будучи по своей субстанциональности совокупностью *означающих*, не является ни сознанием, ни бессознательностью. В психическом смысле *хора* – состояние. Это состояние есть напряжение. Напряжение бессознательного перед его переходом в сознательное. Т.е. *хора* – состояние *начала* (пребывание начала) перехода бессознательного в сознательное.

Из данного предположения вытекает ещё одно: *хору* можно рассматривать как единство порождающего и порождаемого. Как порождающее она есть *гено-текст*, как порождаемое она есть *фено-текст* (оба термина введены Ю. Кристевой).

Сам название *фено-текст* идёт от греческого слова “*phenakos*” (обманщик). Фено-текст – это внешняя, «феноменальная» сторона хоры. Он представляет собой последовательность связанных друг с другом и выводимых друг из друга означающих. «Фено-текст – это структура (способная к порождению в смысле генеративной грамматики), подчиняющаяся правилам коммуникации, она предполагает субъекта акта высказывания и адресат» [Цит. по: 2, с. 135]. Иными словами, фено-текст – это то, что воспринимается нами как обычная, логически структурированная речь.

Основной фено-текста является внутренняя, ноуменальная сторона *хоры*, то, что мы выше – следуя логике автора – назвали *означиванием*. Для этого означивания тоже взят термин «текст», хотя текстом оно, по сути, не является (очевидно, термин употреблён для удержания повествования в семиотическом пространстве). Речь идёт о *гено-тексте* (др.-греч. γένος – род). В *гено-тексте* нет и не может быть слов (означивание осуществляется на предъязыковом уровне). «То, что мы смогли назвать *гено-текстом*, охватывает все семиотические процессы (импульсы, их рас- и сосредоточенность), те разрывы, которые они образуют в теле и в экологической и социальной системе, окружающей организм (предметную среду...), но также и возникновение символического (становления объекта и субъекта, образование ядер смысла, относящееся уже к проблеме категориальности: семантическим и категориальным полям)» [Цит. по: Там же, с. 155].

Имеется и механизм, оба текста связывающий и приводящий в движение. Причём связывание и приведение в движение – не разные процессы, а единое вневременное событие. «Мы назовем эту новую транслингвистическую организацию, выявляемую в модификациях фено-текста, *семиотическим диспозитивом*. Как свидетель *гено-текста*, как признак его *настойчивого напоминания о себе в фено-тексте*, семиотический диспозитив является единственным доказательством того пульсационного отказа, который вызывает порождение текста» [Там же]. Термином «диспозитив» обозначается жизнь хоры, диспозитив – способ осуществления хорой самой себя. Если использовать неоплатонические метафоры, то можно сказать, что хора – эманация, осуществляющаяся в единстве нескольких этапов. Изначально формируется гено-текст, он эманурует в фено-текст – последний возвращается к истоку, так или иначе изменяя его. Это и есть процесс, обозначаемый термином «диспозитив».

В фактическом плане «диспозитив» – это необъяснимые повороты речи, разрывы в ней, выборы тем, внелогичные связи. Иначе говоря, «диспозитив» – это и есть то, что формирует первую фразу текста. Значит, у Кристевой – и тут мы возвращаемся к главной теме нашей работы – *последовательность текстов* формируется самим языком, языком, находящимся в постоянном употреблении. Язык не укоренён ни в чём, кроме себя. Но в нём самом содержатся слои, формирование которых не находится в прямой зависимости ни от их экспликации, ни от их инструментального употребления. Действие и взаимодействие этих слоёв (недоступное непосредственному рациональному анализу) полагает первую фразу текста, придаёт ей форму и определяет дальнейшее направление повествования. А это повествование может уже быть вполне логикосоразмерным.

В контексте первой фразы текста мы проанализировали идеи трёх авторов: Ф. Ницше, Ж. Лакана, Ю. Кристевой. Ни один из них не обращается непосредственно к проблеме первой фразы, однако некоторые выводы из их мысли извлечь получилось. У Фридриха Ницше первая фраза рождается из глубины осуществляющейся воли к власти. Первая фраза чувственна, «дионисийна», она эмоциональна, она *доразумна*. Т.е. первая фраза – это оформление некоей сущности, которая не является языком и не может быть языком проанализирована.

Жак Лакан к языку обращается. Первая фраза – явление языковое и языком же формируемое. Но формируется она спонтанно. Язык проявляется как неконтролируемый внутренний порыв (нечто вроде бергсоновского “*élan vital*”). Порыв этот, правда, имеет отчасти и логикосообразную природу, но она там не доминирует.

Также не доминирует логикосообразная природа языка в творчестве Юлии Кристевой. Хотя по видимости всё научно и традиционно. Первая фраза текста порождена и оформлена языком. Но язык – это не один и единственный текст (не единая сообразная реальности и логике последовательность говорения/письма) – в языке переплетаются и взаимодействуют два текста, причём определяющую роль играет текст, лишённый слов.

Если бы три названных нами мыслителя разбирали первую фразу как самостоятельный предмет исследования, они, скорее всего, пришли бы к негативистскому выводу: первая фраза текста рождается из нефиксируемых, неконтролируемых внеязыковых (или паразыковых) процессов. А это значит: генезис и морфология первой фразы текста должны считаться явлением спонтанным. Явлением, недоступным изучению, использующему современные научные методы. Соответственно, явлением, которое не может ни предсказываться, ни – тем более – планироваться. Причина такого затруднения очевидна: единственным инструментом исследования языковых явлений является язык (другого просто нет). Признавая неудачу рационального анализа первой фразы текста, мы должны сделать парадоксальный вывод. Звучит он так: необходимо снять «ярлык» неудовлетворительности с уже имеющегося ответа о природе первой фразы. Варианты этого ответа были приведены в начале работы: первая фраза описывает очевидный факт или формулирует аксиому. Т.е. мы должны разделить генетику и функции. Иными словами, следует принять как неизбежность то обстоятельство, что подлинное происхождение первой фразы недоступно рациональному анализу. И сосредоточить внимание на совершенствовании методов верификации фактов, методов формулирования высказываний о фактах. В таком случае текст *функционирующий* будет всё более совершенствоваться, становиться всё более *человекосоразмерным*. Ну а внерациональные истоки первой фразы текста могут искать и находить авторы, работающие в области литературы и искусства.

Список источников

1. **Ивин А. А., Никифоров А. Л.** Словарь по логике. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. 384 с.
2. **Ильин И. П.** Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 255 с.
3. **Кондаков Н. В.** Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. 720 с.
4. **Кристева Ю.** От одной идентичности к другой // От Я к Другому: сб. пер. по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога / науч. ред. А. А. Михайлов; составл. Т. В. Щитцова. Мн.: Менск, 1997. С. 254-275.
5. **Лакан Ж.** Имена-Отца. М.: Логос; Гнозис, 2006. 160 с.
6. **Лейбин В. М.** Психоанализ: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2008. 147 с.
7. **Мазин В. А.** Введение в Лакана. М.: Аспект-Полиграф, 2010. 212 с.
8. **Микешина Л. А.** Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания. М.: Канон +; РООИ «Реабилитация», 2009. 560 с.
9. **Ницше Ф.** Рождение трагедии из духа музыки. М.: Азбука, 2000. 240 с.
10. **Остолопов Н. Ф.** Словарь древней и новой поэзии. СПб.: Типография Императорской Российской Академии, 1821. Ч. III. 489 с.
11. **Платон.** Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. 655 с.
12. **Соссюр Ф. де.** Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.
13. **Ямпольский М.** Ткач и визионер. Очерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 616 с.

THE FIRST SENTENCE OF A TEXT. ITS ROLE AND ORIGIN

Sivertsev Evgenii Yur'evich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Saint Petersburg University
Emden1914@mail.ru

The article is an attempt of a philosophical analysis of a phenomenon that is inevitably present in any text – the first sentence of a text. The first sentence determines the subject matter of the text, the genre of the narrative, shapes the semiotic space of the narration following it and sets the context in which the ideas advocated by the author will be revealed. However, the first sentence itself cannot be considered either as processing of empirical information, or as a logical development of what has been said before. The paper discusses the problem of the origin of the first sentence of the text. The factors that determine its appearance and formation are considered.

Key words and phrases: text; the first sentence of text; language; the signified; the signifier; the real; the imaginary; the symbolic; chora; genotext; phenotext.

УДК 1(091):17

Философские науки

Статья посвящена рассмотрению философских позиций в определении сущностного содержания и природы ценностей в этическом учении Канта. Показано, что философское внимание к ценностной значимости бытия последовательно и систематизированно сформировано именно в кантовской традиции. Отмечается актуальность ценностной проблематики для философского осмысления и подчеркивается непреходящее значение ее кантовской трактовки для развития последующей аксиологической мысли.

Ключевые слова и фразы: ценности; этика; философия; нравственность; моральный закон; кантовская трактовка.

Ситкевич Наталья Вячеславовна, к. филос. н., доцент

Новомосковский институт (филиал)

Российского химико-технологического университета имени Д. И. Менделеева

nsitkevich@yandex.ru

КАНТОВСКАЯ ТРАКТОВКА СУЩНОСТНОГО СОДЕРЖАНИЯ И ПРИРОДЫ ЦЕННОСТЕЙ

Тема ценностного отношения человека к миру в своем основании содержит интерес к осознанию им своего собственного бытия. Ведь именно ценности в совокупности со знаниями, убеждениями, верованиями составляют сущностную канву мировоззрения человека, а их характер определяет направленность формирования общественных отношений и степень самоидентичности личности. Доля аксиологической составляющей в мировоззренческом поле индивида непостоянна и имеет тенденцию к увеличению на этапах перехода социума от одной стадии к другой, когда структурные социальные сдвиги оказывают влияние на сознание и самосознание людей. Происходящие сегодня аксиологические изменения несут в себе свойства многомерности, несмотря на то, что в своей основе они имеют традиционные установки. Поэтому мировоззренческие трансформации содержат в себе «переоценку ценностей», которая может как «принимать вид прогрессивного отрицания основ предшествующей социальной системы, так и выражаться в новых формах воплощения прошлых аксиологических парадигм» [9, с. 43].

Основы философского понимания ценностей находят свое отражение и в этике И. Канта. В ней создана особая традиция в развитии теории ценностей через удвоение мира и различение независимого от нашего мышления и ощущений «мира вещей в себе», в котором есть место царству ценностей [4]. Сам же человек,